

Армянский текст: стихи и проза¹

В работе продолжена аналитика армянского текста — феномена русской культуры и литературы, начатая в предыдущей статье «Армянский текст: дети Иова» (Полилингвистичность и транскультурные практики. 2022. № 3). На основе прозаических текстов последней трети XX в. (в пунктиром XXI в.), а также поэтических текстов современных поэтов (Лианы Шахвердян, Максима Амелина, Алессио Гаспари, Георгия Кубатьяна) предложен алгоритм анализа армянского текста. Рассмотрены паттерны, связанные с ключевыми именами, атрибутами, пространством армянской картины мира, какой она складывается в русской литературной рецепции. Это такие паттерны, как Арарат, Севан, море, лаваш, армянский дворик, Грант Матевосян. Предложен новый паттерн армянского текста — личность и творчество Г. Кубатьяна. Сделана попытка противопоставить армянский текст простому упоминанию армянских атрибутов в литературе, а также предложен непременный «ингредиент» для возникновения локального текста как такового, в частности армянского. Обозначена, пусть и спорная, иерархия между стихами и прозой в процессе рождения локального текста.

Ключевые слова: армянский текст, Армения, паттерны армянского текста, А. Битов, В. Гроссман, Ю. Карабчиевский, Г. Матевосян, Г. Кубатьян, лаваш, армянский дворик, море.

The article continues the analysis of the Armenian text — the phenomenon of Russian culture and literature, which we presented in the previous article “The Armenian text: the Children of Job” (Polylinguality and Transcultural Practices. 2022. No. 3). The algorithm for analyzing the Armenian text is presented on the basis of prose texts of the last third of the 20th century (and a dotted line of the 21st), as well as poetic texts of modern poets (Liana Shahverdyan, Maxim Amelin, Alessio Gaspari, Georgy Kubatyan). The article examines the patterns associated with the key names, attributes and space of the Armenian picture of the world — as it develops in Russian literary reception. These are such patterns as Ararat, Sevan, sea, lavash, Armenian patio. Hrant Matevosyan. We offer a new pattern of the Armenian text — the personality and creativity of G. Kubatyan. The study is an attempt to oppose the Armenian text to a simple mention of Armenian attributes in literature. The author also offers an indispensable “ingredient” for the emergence of a local text as such, in particular, an Armenian one. The hierarchy between verses and prose in the process of the birth of a local text is indicated, albeit controversial.

Keywords: Armenian text, Armenia, patterns of Armenian text, A. Bitov, V. Grossman, Yu. Karabchievsky, G. Matevosyan, G. Kubatyan, lavash, Armenian courtyard, sea.

Введение

Как рождаются локальные тексты литературы и культуры? Все ли локусы (города и страны) обретают свой локальный текст? Чтобы ответить на эти вопросы, еще долго будут идти поиски в разных нишах гуманитарного знания. С относительной определенностью уже можно сказать: есть локальные тексты, сконструированные в культуре посредством тиражирования одних и тех же паттернов в фольклорно-мифологической действительности, а далее в литературе (см.: [1]); есть локальные тексты, рожденные исключительно литературными текстами. К последним, с уверенностью утверждаем, относится армянский текст; кстати, и сами его трансляторы говорят о том же. Так, Юрий Карабчиевский пишет о Ереване: этот город существует для него «как литературный факт», «выстроенный русскими писателями» [2. С. 187].

Армянский текст — русско-литературный конструкт XX в.; одним из его пионеров был Осип Мандельштам. Корпус стихотворений, написанных до Мандельштама, в которых упоминается Армения и ее народ, как правило, не входит в оптику армянского текста. Лев Аннинский пишет, что армянская тема, армянский мотив до XX в. «не спускается с котурн державного глобализма» [3. С. 173]. В связи с этим вызывающим споры утверждением Аннинский отсылает к наблюдению о разных точках зрения, которое сделано литературным критиком, мандельштамоведом Г. Кубатьяном: «Для России Армению открыл Мандельштам». — “Нет, для России, для русской интеллигенции Армении открыл все-таки Брюсов”» [Там же. С. 179]. Нет единогласия среди литераторов — значит, есть над чем работать исследователям армянского текста. Собственно говоря, пишущие об Армении после Мандельштама и есть трансляторы и слагатели армянского текста.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 22-18-00339).

Почему об армянском тексте литературоведы заговорили только на рубеже веков, а точнее, в XXI в.? По словам Г. Кубатьяна, мандельштамоведы «подсознательно боятся запутаться в незнакомом материале», а именно «в национальных реалиях», которые «отпугивают» их [4. С. 7].

Туризм, эскапизм и прочая «охота к перемене мест» — это неременное условие для рождения локальных текстов, армянского прежде всего. Не случайно главными текстами в русской литературе, где сложился армянский текст, являются именно травелоги: «Путешествие в Армению» Мандельштама, «Уроки Армении» Битова, «Добро вам!» Гроссмана, «Тоска по Армении» Карабчиевского, «Белый Арарат и черное солнце» Гачева.

Какие тексты — прозаические или стихотворные — по преимуществу являются пространством армянского текста?

На этот вопрос мы попытаемся дать ответ в настоящей статье.

Результаты исследования и их обсуждение

Упоминание в литературных текстах армян и Армении с ее локусами еще не означает наличие армянского текста. (Хронология упоминания армян и Армении, а также ассоциативных армянских образов в русской поэзии прослежена в статьях М.Д. Амирханяна, Л.В. Павловой, И.В. Романовой [5; 6], нарастающий интерес русских поэтов к Армении в историко-литературном аспекте освещен Львом Аннинским [3].)

Приведем ряд известных примеров: «Он взят за Терекком отважным казаком / На холодном трупке господина, / И долго он лежал заброшенный потом / В походной лавке *армянина*» (курсив здесь и далее наш. — Э. Ш.) (М. Лермонтов. Поэт) — названа расхожая в мифологии повседневности роль армянина — торговца; «Жила грузинка молодая, / В гареме душном увядая <...>. Ах, ею старый *армянин* / Гордился!» (М. Лермонтов. Грузинская песня) — армянин предстает похотливым стариком.

Присутствие в этих стихах *армян* не повод говорить об армянском тексте. Скорее, как в этих, так и в других случаях транслируется бытовой этностереотип, или стереотип мифологии повседневности [7].

Виртуозно и афористично модель армянского текста вывел Андрей Битов: «Город? Ереван. Озеро? Севан. Гора? Арарат. Это мы знаем назубок, остальное, выражаясь языком школы, знаем “нетвердо”» [8. С. 196]. Последние слова созвучны с приведенными словами Г. Кубатьяна.

Ереван, Севан, Арарат не просто армянские локусы — это культурные концепты, в регистре армянского текста перешедшие в паттерны (о паттернах см.: [7]).

Для того чтобы образы, ассоциирующиеся с Арменией (камни, солнце, свет, гора, кровь, хлеб/лаваш, буквы, Севан, Ереван, Арарат, Цицернакаберд, Эчмиадзин, Гарни, Гегард/Гехард и др.), превратились в паттерны *армянского текста*, необходимо нечто метафизическое. Так, один из хранителей и трансляторов *ташкентского текста* русской словесности, современный писатель Сухбат Афлатуни, в повести «Барокко» (2006) создает образ своего города в экзистенциальном контексте [1. С. 228]. Привязанность к городу представлена в виде образа кушетки, обыгрывающего хрестоматийное словосочетание «западно-восточный диван». «Возлежание» на этой самой кушетке (диване), обладающей магией сосуществования, соития двух культур, и невозможность предпочесть какую-то из них.

Бывает любовь-выздоровление, но чаще случается любовь-болезнь. Он болел. Оказываясь на безлюдных улицах, он ласкал оштукатуренную плоть города, прижимался щекой к бедрам многоярусных колоколен, целомудренно целовал теплый мрамор китайских павильонов и турецких бань... <...> Его любовь к городу была чистым юношеским костром; болезнью... [9. С. 67].

Другую свою повесть Сухбат Афлатуни называет «Ташкентский роман» — *роман* в значении не жанра, а союза, чувства, любви.

Непросто найти то невыразимое, неуловимое начало, присутствие которого лежит в основании локального текста, армянского в том числе. И все же позволим утверждать, что любовь, неудержимый интерес к месту и чувства восторга и сопричастности — это то самое начало,

которое дает старт, в нашем случае армянскому тексту. Обратим внимание на то, что писатели-путешественники именно рефлексируют по поводу чувств, которые вызывает у них Армения. Читатель присутствует при рождении чувства, начиная от неприятия, несоответствия ожиданиям. Андрей Битов пишет: «...сначала Ереван мне не понравился...» [8. С. 262], как и Карабчиевский: «Ну что ж, говорю, по-моему, город не блеск» [2. С. 232]; «Ереван не нравится (“Ужасный город! — он хватается за голову. — Ужасный, ужасный! Это просто вообще не Армения”»)» [Там же. С. 265]. И до любовного признания, пафос которого авторы один за другим намеренно занижают. Битов: «...у меня насморк, несварение, ностальгия, и я в плену собственных впечатлений» [8. С. 240]; Карабчиевский: «...с одной стороны, официоз <...> с другой <...> общественная уборная, к которой на выстрел не подойдешь» [2. С. 232]; Гроссман: «...припертый к стенке, охваченный ужасом, я наконец признаюсь во всем, открою низменную и смешную причину, которая привела меня на окраину столицы Армении» [10. С. 18]; Гачев: «Ой! Чужая жизнь... К чему я здесь? Всё красоты — безраздельные...» [11. С. 367]. Евгений Евтушенко заключает: тот русский брат армянину, «кто смог понять / Весь путь ваш страшный, все резни и боины, / Кто вашу боль сумел в себя принять...» («Геворгу Эмину»).

Георгий Кубатьян, лично знакомый с Битовым и Карабчиевским, пишет: «И Гроссману, и Битову, и Карабчиевскому Армения пришлась по душе...» [12. С. 242], при этом Гроссман «постоянно снижает собственный образ, подтрунивает над собой, подробно говорит о таких подробностях, о которых не принято говорить вслух» [Там же. С. 245].

Вернемся к армянскому тексту — любви к Армении и рождению паттернов.

Арарат

В. Гроссман	А. Битов	Ю. Карабчиевский	Г. Гачев
Звезды стояли над нашей головой, южные, армянские звезды, те, что стояли над Араратом, когда еще не была написана Библия, те, что стояли над высокими снеговыми горами, ныне лежащими бессильной скелетной россыпью, те, что будут стоять, когда Арарат и Арагац лягут мертвыми костями, расплывутся в прах [10. С. 60].	Как естественно, что Ной приплыл именно сюда! <...> Другие пейзажи просто исчезали за кормой, он не видел их, они не отражались на его сетчатке. Переселенец ставит новый сруб в том месте, в котором способен узнать родину [8. С. 203].	Арарат — это армянский Кремль <...>. <...> Потому что Кремль — у нас, в сердце России, а гора Арарат — за границей, в Турции. <...> Кремль, не говоря о его рукотворности, — это символ могущества, власти, владения, Арарат же — это Божье творение, часть Армянской земли, символ потери <...> [2. С. 220–221].	... Арарат: впервые увидел во всей мощи эту седую глыбу Бога. Библейская гора! Гора книги Бытия. Гора Ноя. Это взвидеть и восчувствовать было — архи-пронзение. Царит Арарат [11. С. 381].

Арарат — символ древности, «библейскости», утраты, надежды, рождающий контекст для осмысления вечных и сиюминутных вопросов («...для армян ветхозаветный Абрам скончался вчера. А Яков еще жив» [13. С. 110]).

Как бы вступая в диалог с Евтушенко, писавшим: «Я Арарат на плечи бы взвалил / И перенес его через границу», современный поэт Алессιο Гаспари отвечает:

Мне Арарат — и он уже не мил. Переметнулся к нашему врагу. <...>	Но клялся вроде старший брат Взвалить на плечи Арарат? И не сдержал обет... [14. С. 77–78].
--	---

Каждый из поэтов, заново осмысляющих концепт Арарата в армянской картине мира, вносит свою образность, намечает свои векторы в развитии истории с Араратом. Современный поэт Максим Амелин вносит интригу в уже существующий нарратив об Арарате:

Но нельзя, как запретный плод,
укусить Арарата локоть:
видит око да зуб неймёт [15. С. 201].

Как известно из библейской истории, запреты иногда нарушаются.

Способность увидеть Арарат сквозь дымку и туман стала своеобразным тестом в многовековом легендарном дискурсе. Так, Ирина Сурац пишет: «...вспомнила легенду или быль про императора

Николая I: приехав в Ереван, он каждое утро выходил на балкон, но Арарат не показался ему» [16. С. 202]. Легенда имеет продолжение: якобы император высказал сожаление, что Арарату не повезло: не смог увидеть его, Николая I. А вот Пушкин, скорее всего, ошибся, принял Арагац за Арарат: видимо, «так ждал встречи с горой, так мечтал о ней, что как бы и увидел ее каким-то внутренним зрением, но только внутренним, тем самым, каким видел ковчег, и врана, и голубицу, излетающих» [Там же. С. 202].

Севан

В. Гроссман	А. Битов	Ю. Карабчиевский	Г. Гачев
Эта высокая вода кажется неземной, она словно отделилась, отслоилась от <i>неба</i> , она так высоко, что, вероятно, ей ближе до уровня <i>неба</i> , чем до уровня моря. <...> ...Под поверхностью Севана должны летать птицы небесные [10. С. 28].	И если Армения – самое светлое место в моей жизни, то Севан – самое светлое в Армении [8. С. 205]. Это была уже не вода, а некое второе состояние <i>неба</i> [Там же. С. 206].	Я знал, что Севан непрерывно убывает, и мне захотелось немедленно что-то сделать <...> чтобы полуостров Севан опять превратился в остров, как это было во времена Мандельштама и Кузина... [2. С. 282].	Ветхозаветной древностью дышит земля Армении – тоже голая, как и пустыни Палестины, а Севан на ней – Мертвое море [11. С. 21].

Рассказчики, подготовленные мейнстримом, при виде Севана, ставшего национальным образом армянского мира, поначалу входят в ступор: литература и живопись лишают их первооткрывания этого уникального моря-неба.

О море: рассказчику «Уроков Армении» демонстрируют карту Армении разных эпох.

Вот она – зеленая, круглая – простирается на три моря. Вот на два. А вот ни одного. И так стремительно уменьшается Армения от первой карты к последней, все время оставаясь в общем круглым государством, что, если пролистнуть быстро атлас, это будет уже кинолента, на ней будет заснято падение огромного круглого камня с высоты тысячелетий, и он скрывается в этой глубине, уменьшаясь до точки [8. С. 195].

Не это ли море ощущается лирической героиней Лианы Шахвердян?

В это утро пахло *морем*...

В это странное утро
весеннего равноденствия

<...>

пахло далеким,
зеленым *морем*...

<...>

Весна!

Лед тронулся.

Она шла по голой мостовой,
вбирая в легкие йода – капельное
далекого *моря*...

<...>

Где Бог?

Бог там, где цветут сады.

<...>

...Пахнет далеким

зеленым *морем*... [17. С. 10–12].

Зато лирический герой Константина Шакаряна не просто ощущает море – он прямо заявляет о его краже:

Страна моя! <...>

А у тебя и моря больше нет...

Отобраны озера и моря.

А сколько в их воде твоих монет!..

Выходит, были выброшены зря... [18. С. 4].

Армянский текст развивается в XX в. в стихах и прозе. Что же первично? И корректен ли такой вопрос? Раз он возник, надо хотя бы попытаться ответить на него. Думаю, что проза первична:

прежде чем в поэтическом сознании рождаются образы, нужна первооснова, поэт должен был откуда-то это услышать или где-то прочитать (речь идет о таких образах, которые в сознании рецепиента превратились в концепты культуры, или паттерны). Сначала рождается нарратив — устный или графический, неважно; он переходит из уст в уста / из текста в текст, потом появляется в стихах.

Лаваш

В. Гроссман	А. Битов	Ю. Карабчиевский	Г. Гачев
... Как пекут лаваш. <...> Приезжий любовался движениями старухи, они были плавные и быстрые, осторожные и самоуверенные, казались красивым, древним танцем. Действительно, этот танец был древний, одних лет с печеным хлебом [10. С. 21–22].	Лаваш — отец хлеба, первый хлеб, первохлеб. <...> Лаваш — это хлеб, — говорит мой друг, отрывая новый лоскут. Лаваш — это тарелка, — говорит он, укладывая на лаваш зелень. Лаваш — это салфетка, — говорит он, вытирая лавашем рот... И съедает салфетку [8. С. 216–217]. Лаваш — это древний свиток [Там же. С. 218].	Знаменитый лаваш не продается нигде, его достают с переплатой по блату или у частников на базаре, но и там он тоже не всегда бывает. Наиболее распространенный хлеб — маднакхаш, что-то вроде «следы от пальцев»... [2. С. 224].	Вдумался в ЛАВАШ — хлеб по-армянски. Длинные и широкие раскатаны плоские листы; отламывают кусок, кладут на него сыр, или редьку, или фасоль, запеленывают и едят. То есть опять принцип нутри, сокрывания в недра: то, что было явным сделать тайным. Обратен этому — БУТЕРБРОД... [11. С. 384].

Как видим, никто из авторов-путешественников не прошел мимо армянского хлеба; за ним стоят народные навыки, этнографические особенности; даже, по Гачеву, в лаваше (как национальном образе мира) отражена своя философия; лаваш, по Карабчиевскому, — «лакмусовая бумажка» состояния культуры (советской на тот момент).

Приведем еще один пример: армянский прозаик Грант Матевосян, шестидесятник, был дружен с русскими писателями своего поколения, в частности с Андреем Битовым. Его имя в «Уроках Армении» Битов не называет, но «мой друг» — это Матевосян, от него он узнал о страшной трагедии армян — геноциде, и после этого, признается Битов, он стал армянофилом. В двух приведенных фрагментах есть отсылка к рассказу Матевосяна «Буйволица»; в один из них вкралась неточность или опрометчивость: возможно, Битов ко времени написания «Уроков Армении» только слышал о «Буйволице» от писателя-друга.

У Битова о буйволице: «...она буйвола не находит и возвращается...», в рассказе не так: буйволица нашла-таки буйвола, о чем не преминул парафрастически упомянуть Гачев, не пожелавший читать рассказ, преподнесенный ему доброхотами, вероятно, в пересказе. В сравнительную таблицу мы поместили лишь небольшой фрагмент из «Тоски по Армении» Карабчиевского, хотя Грант Матевосян — один из главных персонажей его повести: он собеседник рассказчика, выразитель главной мысли, запечатленной в заглавии. Безусловно, личность Матевосяна — один из паттернов армянского текста русской литературы, нравственный авторитет и ориентир.

Грант Матевосян

А. Битов	Ю. Карабчиевский	Г. Гачев
Какое бы место из своей книги <...> ты бы выбрал для того, чтобы напечатать на лаваше? И <i>мой друг</i> , способный написать о людях, которыми руководят только ветер, солнце и облака <...> как одна буйволица в одной деревне, где уже не осталось буйволов, рано утром уходит от своей старой хозяйки и бредет по горам Армении из села в село, где тоже нет буйволов, исполненная непонятной и прекрасной тоски <...>. И <i>мой друг</i> , способный написать такое, говорит с искренней сокрушенностью и серьезностью: — Нет, такого, чтобы на лаваше, я, пожалуй, еще не написал [8. С. 218].	...Грант — удивительное явление. Он работает почти на пустом месте. <...> Здесь отсутствие в течение столетий большой прозы сказало роковым образом. Литературный армянский — это язык поэзии... <...> И наш замечательный Грант, создавая новую армянскую прозу, совершает еще и чудовищную работу по сближению литературного и устного языков. <...> Ясно одно: после него писать по-армянски будет легче [2. С. 270–271].	Не случайно и название книги Матевосяна: «Мы и наши горы»: не «наше небо», не «наша земля», а наш — камень. И вторая идея — «Мы» (как и в названии фильма Пелешяна). Это — род, кровь, племя [11. С. 386]. Дали мне с собою читать рассказ Гранта Матевосяна «Буйволица» — лучший рассказ, по словам Битова. Но чуть запахло быком, я оставил... [Там же. С. 383].

Вот и Сергей Довлатов успел признаться в любви к Гранту Матевосяну в 1990 г.: «Когда я читаю об армянских событиях, я представляю себе, что сейчас испытывает Матевосян. Вот так через любовь к нему у меня появились какие-то армянские чувства» [19. С. 110].

В специальном выпуске журнала «Знамя» (2015. № 11), посвященном Армении, армянской литературе и русско-литературной рецепции Армении (что и есть армянский текст), в рубрике «Моя Армения» писатели, критики и литературоведы — каждый индивидуально — создают свою Армению. Практически в каждом тексте присутствует упоминание о Гранте Матевосяне, что еще раз подтверждает: эта литературная фигура — паттерн армянского текста. Александр Архангельский: «Попаду в дом сумрачного классика армянской прозы Гранта Матевосяна, который шмыгал носом и прихлебывал коньяк, потому что никак не мог избавиться от “холода в душе”» [20. С. 203]; Юрий Манн: «В доме именинницы оказалось много гостей, были и люди известные, например уже получивший всесоюзное признание молодой прозаик Грант Матевосян» [21. С. 205]; Алла Марченко: «...Матевосяна не видела, он же на съемках фильма по повести “Мы и наши горы”» [22. С. 210]; «Однако для меня, причем чуть не с младенчества, наиболее притягательной, таинственной и недоступной и была, и остается горная Армения. И не только из-за Матевосяна...» [Там же. С. 211]; «...Нет ничего удивительного в том, что первой современной армянской прозой, в которую я вцепилась, была переведенная Анаит Баяндур и опубликованная в “Дружбе народов” повесть Гранта Матевосяна “Мы и наши горы”» [Там же]; о новом тогда, в 1970-е, сборнике Матевосяна «Оранжевый табун» А. Марченко пишет, что была «огорошена неожиданностью этой прозы, что не решаюсь прилюдно высказать переводчице восхищение ее колдовством» [Там же]; Алиса Ганиева выражает благодарность за поездку по Армении «по-детски обаятельному, черноокому Давиду, воспетому Битовым сыну Гранта Матевосяна. Режиссеру и собирателю Ноевых зверей» [23. С. 195].

Каждый из упомянутых авторов, создателей и трансляторов армянского текста, вносит в этот культурно-литературный феномен нечто свое, личное. Станет ли это личное паттерном армянского текста, пока сказать трудно. Но об одном приобретении Карабчиевского упомянуть считаем необходимым (для меня, автора статьи, это стало именно паттерном моего «сюжетного пространства», по Лотману, или армянского текста).

Сергей Асоян — мой новый друг, лучшая моя находка в Армении... <...> До двадцати лет он не знал почти ни одного армянского слова и ни разу не был в Армении. Жил в Саратове, учился в Москве. (Москва не Минск, и это не повод к сближению. Но Набокова он тоже, конечно, читал...) Затем после смерти своих обрусевших родителей вдруг услышал голос крови, зов предков, притяжение родимой земли — и кинулся в Ереван. Но не просто приехал и начал жить, а выучил язык, воспринял историю, пророс интересами, друзьями, делами — стал армянином! Такой молодец. Мы шатались с ним по вечернему городу... <...> Под конец зашли к нему и зашли ко мне, обменялись статьями о Мандельштаме — даже тут совпадение [2. С. 249–250].

Первый раз упомянутое имя — Сергей Асоян — Карабчиевский выделяет курсивом (чего не делает ни с одним другим именем). Какова роль курсива? Думается, так Карабчиевский передает дружеский привет тому, кто стоит за этим вымышленным именем: это реальный человек — Георгий Кубатьян, «концептуальный» армянин, поэт, переводчик, литературный критик, уникальный знаток армянской истории и литературы. К сожалению, осенью 2021 г. его не стало. В журнале «Дружба народов» посмертно опубликована подборка его стихов «Обойди Армянское нагорье».

В одном из них, под названием «Берег Евфрата», тема геноцида армян предстает с неожиданной стороны: субъект лирического повествования — с той, антиармянской стороны. Армянское нагорье — историческая область, где формировался армянский народ; немалая часть этой области принадлежит Турции. Голос лирического субъекта именно оттуда: «...кто-то врет: армян в пустыню пехом / гнали подыхать палящим летом / из сожженных сел. / Врут, конечно. Не было такого. / Мы ж не звери, резать без оглядки / сотни тысяч душ. <...> Здесь от века жили курды, турки. / Обойди Армянское нагорье — / не сыскать армян» [24. С. 147].

В фильме Тенгиза Абуладзе «Покаяние» героиня Кетеван раз за разом выкапывает покойника из могилы, добываясь справедливости, чтобы преступника назвали преступником, а не «славным гражданином

города». На суде она заявляет, что будет продолжать это делать до того момента, пока... Собственно, посыл стихов «Берег Евфрата» о том же: «Вы опять за старое? Но вы же / здравомыслы. Пресекайте враки. Хватит ваших врак!» [Там же. С. 148] — это вызов и упрек тем, кто не желает назвать убийц убийцами. Это «кривое горе» (по А. Эткинду); горе выпрямится и излечится тогда, когда свершится тот самый «божий суд над наперсниками разврата».

Личность и творчество Кубатьяна — мой паттерн армянского текста; надеюсь, что впоследствии он займет в этом русско-армянском сюжетном пространстве причитающееся ему место, которое уже обозначено Карабчиевским. К слову, и Лев Аннинский не раз отсылает читателя к авторитету Кубатьяна, в частности к такой его сентенции: «Если первый считал (речь о Брюсове. — Э. Ш.), что Армения в качестве “патента на благородство” должна предъявить миру средневековую поэзию, то Мандельштам на эту роль выдвигает архитектуру» [3. С. 179].

Таким образом, помимо перечисленных паттернов, важным и значимым для армянского текста становятся архитектурные сооружения — городской ландшафт, древний и современный; их тоже надо рассматривать отдельно и подробно (Матенадаран, Звартноц и др.). Интересное наблюдение сделал Андрей Битов о городском рынке: «И высокий свод, поддерживаемый изящными и легкими стрельчатými арками, и рассеянный, непонятно откуда идущий свет, и этот мягкий и нежный гул невольно наводили на мысль о храме» [8. С. 214]. Такое наблюдение не пришло бы в голову туристу, рассекающему российские широты. В этом случае рынок, или базар, находит много общего с восточным базаром — тоже пространством загадочным, со своими внутренними законами, легендами, правилами поведения, тоже имеющим интенцию быть храмом. «Что ж, на Востоке как на Востоке», — заключает Карабчиевский [2. С. 275].

Теплый в течение длительного сезона климат восточных регионов сформировал такие локальные прецеденты, как одесский дворик, тбилисский дворик, ташкентский дворик, многократно зафиксированные в литературе разных жанров и живописи. Пришел черед «закаталогизировать» и армянский дворик.

Армянский дворик

В. Гроссман	А. Битов
<p>...Внутренние дворики — вот душа, нутро Еревана... Плоские крыши, лестницы, лестнички, коридорчики, балкончики, террасы и терраски, чинары, инжир, вьющийся виноград, столик, скамеечки, переходы, галерейки — все это слажено, слито, входит одно в другое, выходит одно из другого... Десятки, сотни веревок, подобно артериям и нервным волокнам, связывают балкончики и галерейки. На веревках сохнет огромное, многоцветное белье ереванцев — вот они простыни, на которых спят чернобровые мужья и бабы, делают детей, вот они просторные, как паруса, лифчики матерей-героинь, рубашонки ереванских девчонок, обесцвеченные на ширинке кальсоны армянских старцев, штаны младенцев, пеленочки, парадные кружевные покрывала. Внутренний двор! Живой организм города со снятыми кожными покровами, тут видна вся жизнь Востока: и нежность сердца, и перистальтика кишок, и нервные вспышки, и кровное родство, и мощь землячества [10. С. 15–16].</p>	<p>...Был виден двор. <...> Дерево высунулось из-за угла справа, нависает... <...> С таким чувством человек возвращается на родину: одно дерево сломалось, а тот куст как разросся! Все умерли... <...> Вот уж — «здесь жили люди!» И никакой абстрактной штуковины не надо. Жили, любили, рожали, болели, умирали, рождались, росли, старели... <...> Двор рос, как дерево — отмирали старые ветви, вырастали новые тупички, — а у дерева не бывает несовершенного расположения ветвей, хотя где гуще, где реже, где криво, а где обломано, но — дерево!² <...> Никакой исторической и архитектурной ценности ни эта улица, ни эти дворы не имеют. Она будет снесена, и тут встанут новые, удобные во всех отношениях здания, в них поселятся люди, они будут любить, рожать и умирать, страдать и радоваться. <...> Но ценим ли мы то, что еще драгоценней: то, что есть, что получилось без нас, без нашего участия, — великую гармонию и искусство природы и времени? <...> Это правильный и чисто взятый аккорд, подслушанный и занятый у абсолютной гармонии и полифонии жизни [8. С. 270–272].</p>

² По словам исследователя Г.Т. Гариповой, «человек становится элементом леса, телесно срачивается с ним, энергетически обменивается, духовно впитывает вековую мудрость “мирового древа”, расширяя свое сознание до бытийного бессознательного синкретизма» [25. С. 263].

Словно подслушав, подглядев у Битова этот пассаж о гармонии природы и времени, о дереве — символе времени, пишет в стихах о том же аккорде Лиана Шахвердян:

<...>

Вольным ветром
в воронке сомнений
раскачивалось древо старое —
маятником верным
отмеривалось сущное.
Зналось ли с ветрами другими?

Отмалчивалось...
Вечному! Духу Солнца
прилежно кланялось...
сопричастному к
доминантсептаккорду
затмения
солнечного ли?
лунного ли? [17. С. 46].

Заключение

Предложен алгоритм анализа армянского текста. Рассмотреть все его паттерны в рамках одной статьи не представляется возможным. В арсенале этого локального феномена есть много интересных личностей: Саят-Нова, Комитас, Григор Нарекаци, Наапет Кучак, Месроп Маштоц, Мартирос Сарьян, Егише Чаренц, Леонид Енгибаров, к которым обращаются поэты и прозаики от текста к тексту, и слов — концептов культуры из предметной или метафизической сферы: буквы, кровь, солнце, камни (у В. Гроссмана в «Добро вам!» сложена почти поэма армянским камням)... Не упомянут и еще один уникальный паттерн — *армянский Тифлис*, который вызывает к отдельному рассмотрению. Выстраивая таблицы, можно увидеть типологическое и вечное, современное и индивидуальное в этих концептах, но в любом случае становится очевидным, что это и есть строительный материал армянского текста, созданного русским языком.

Литература

1. *Шафранская Э.Ф.* Ташкентский текст в русской культуре. М.: Арт Хаус медиа, 2010.
2. *Карабчиевский Ю.* Тоска по Армении // Тоска по дому: роман, повести / Ю. Карабчиевский. М.: Слово, 1991. С. 185–296.
3. *Аннинский Л.А.* Лучина и свеча // Дружба народов. 1993. № 2. С. 169–186.
4. *Кубатьян Г.* От слова к слову: комментарий к циклу О. Мандельштама «Армения» // Ворванный воздух: статьи и заметки / Г. Кубатьян. Ереван: РАУ, 2005. С. 7–66.
5. *Амирханян М.Д., Павлова Л.В., Романова И.В.* Реконструкция «армянского» текста в русской поэзии XX века: (опыт компьютерного исследования) // Известия Смоленского государственного университета. 2020. № 2 (50). С. 5–21.
6. *Павлова Л.В., Романова И.В.* «Армянский» текст русской поэзии: (интерпретация данных программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах») // Новый филологический вестник. 2020. № 4 (55). С. 212–225.
7. *Шафранская Э.Ф.* Армянский текст: дети Иова // Полилингвальность и транскультурные практики. 2022. № 3. С. 511–520.
8. *Битов А.* Уроки Армении // Образ жизни: повести / А. Битов. М.: Молодая гвардия, 1972. С. 165–285.

References

1. *Shafranskaya E.F.* Tashkentskii tekst v russkoi kul'ture. Moscow: Art Khausa media, 2010.
2. *Karabchievskiy Yu.* Toska po Armenii // Toska po domu: roman, povesti / Yu. Karabchievskiy. Moscow: Slovo, 1991. S. 185–296.
3. *Anninsky L.A.* Luchina i svecha // Druzhiba narodov. 1993. No. 2. S. 169–186.
4. *Kubatyana G.* Ot slova k slovu: kommentarii k tsiklu O. Mandelstama "Armenia" // Vorovannyi vozdukh: stat'i i zametki / G. Kubatyana. Erevan: RAU, 2005. S. 7–66.
5. *Amirkhanian M.D., Pavlova L.V., Romanova I.V.* Rekonstruktsiia "armianskogo" teksta v russkoi poezii XX veka: (opyt komp'yuternogo issledovaniia) // Izvestiia Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. No. 2 (50). S. 5–21.
6. *Pavlova L.V., Romanova I.V.* "Armianskii" tekst russkoi poezii: (interpretatsiia dannykh programmno kompleksa "Gipertekstovyi poisk slov-sputnikov v avtorskikh tekstakh") // Novyi filologicheskii vestnik. 2020. No. 4 (55). S. 212–225.
7. *Shafranskaya E.F.* Armianskii tekst: deti Iova // Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. 2022. No. 3. S. 511–520.
8. *Bitov A.* Uroki Armenii // Obraz zhizni: povesti / A. Bitov. Moscow: Molodaia gvardiia, 1972. S. 165–285.

9. Афлатуни С. Барокко: рассказ // Звезда. 2006. № 3. С. 60–75.

10. Гроссман В. Добро вам! : (из путевых заметок) // Знамя. 1988. № 11. С. 5–62.

11. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Кавказ. Интеллектуальные путешествия из России в Грузию, Азербайджан и Армению. М.: Издательский сервис, 2002.

12. Кубатьян Г. Масштаб явления: армянская проза В. Гроссмана, А. Битова и Ю. Карабчиевского // Ворованный воздух: статьи и заметки / Г. Кубатьян. Ереван: РАУ, 2005. С. 238–253.

13. Мартиросян В. Это сладкое слово — Армения: размышления писателя по поводу национальной идентичности // Народы перед зеркалом: эссе. Статьи. Очерки. М.: Ред. журнала «Дружба народов», 2014. С. 110–118.

14. Гаспари А. Поездка в Армению // Литературная Армения. 2021. № 1. С. 73–79.

15. Амелин М. Ереванский триптих: стихи // Знамя. 2015. № 11. С. 199–201.

16. Сурат И. Притяжение горой // Знамя. 2015. № 11. С. 202.

17. Шахвердян Л. Весна отчаяния (2015–2017). Ереван, 2018.

18. Шакарян К. Стихи о Родине // Литературная Армения. 2018. № 3. С. 3–6.

19. Хлебников М. Союз и Довлатов (подробно и прилизительно). М.: Городец, 2021.

20. Архангельский А. Обращение в Армению // Знамя. 2015. № 11. С. 203–204.

21. Манн Ю. Целое и детали // Знамя. 2015. № 11. С. 205–206.

22. Марченко А. Не выцветающие картинки // Знамя. 2015. № 11. С. 207–219.

23. Ганиева А. И вошли в Ковчег // Знамя. 2015. № 11. С. 194–198.

24. Кубатьян Г.И. Обойди Армянское нагорье: стихи // Дружба народов. 2021. № 10. С. 147–150.

25. Гарипова Г.Т. Философская референция как способ художественного миромоделирования в прозе «поколения сорокалетних»: (на материале произведений А. Битова, А. Кима) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 2. С. 258–263.

9. Aflatuni S. Barokko: rasskaz // Zvezda. 2006. No. 3. S. 60–75.

10. Grossman V. Dobro vam! : (iz putevykh zametok) // Znamya. 1988. No. 11. S. 5–62.

11. Gachev G.D. Natsional'nye obrazy mira. Kavkaz. Intellektual'nye puteshestviia iz Rossii v Gruziiu, Azerbaidzhan i Armeniiu. Moscow: Izdatel'skii servis, 2002.

12. Kubatyan G. Masshtab iavleniia: armianskaia proza V. Grossmana, A. Bitova i Yu. Karabchievskogo // Vorovannyi vozdukh: stat'i i zametki / G. Kubatyan. Erevan: RAU, 2005. S. 238–253.

13. Martirosyan V. Eto sladkoe slovo — Armenia: razmyshleniia pisatel'ia po povodu natsional'noi identichnosti // Narody pered zerkalom: esse. Stat'i. Ocherki. Moscow: Red. zhurnala «Druzhiba narodov», 2014. S. 110–118.

14. Gaspari A. Poezdka v Armeniiu // Literaturnaia Armenia. 2021. No. 1. S. 73–79.

15. Amelin M. Erevanskii triptikh: stikhi // Znamya. 2015. No. 11. S. 199–201.

16. Surat I. Pritiazhenie goroi // Znamya. 2015. No. 11. S. 202.

17. Shakhverdyan L. Vesna otchaianiia (2015–2017). Erevan, 2018.

18. Shakaryan K. Stikhi o Rodine // Literaturnaia Armenia. 2018. No. 3. S. 3–6.

19. Khlebnikov M. Soiuz i Dovlatov (podrobno i priblizitel'no). Moscow: Gorodets, 2021.

20. Arkhangel'sky A. Obrashchenie v Armeniiu // Znamya. 2015. No. 11. S. 203–204.

21. Mann Yu. Tseloe i detali // Znamya. 2015. No. 11. S. 205–206.

22. Marchenko A. Ne vytsvetaiushchie kartinki // Znamya. 2015. No. 11. S. 207–219.

23. Ganieva A. I voshli v Kovcheg // Znamya. 2015. No. 11. S. 194–198.

24. Kubatyan G.I. Oboidi Armianskoe nagor'e: stikhi // Druzhiba narodov. 2021. No. 10. S. 147–150.

25. Garipova G.T. Filososfskaia referentsiia kak sposob khudozhestvennogo miromodelirovaniia v proze "pokoleniia sorokaletnikh": (na materiale proizvedenii A. Bitova, A. Kima) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2021. T. 14. No. 2. S. 258–263.

Шафранская Элеонора Федоровна,

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русской литературы
Московский городской педагогический университет;
ведущий научный сотрудник
НОЦ «Смоленский центр квантитативной филологии»

Shafranskaya Eleonora F.,

Doctor of Philology, Docent,
Professor of the Russian Literature Department
Moscow City Pedagogical University;
Leading Researcher at the Smolensk Center for
Quantitative Philology

ORCID: 0000-0002-4462-5710
elibrary SPIN: 5340-6268
e-mail: shafranskayaef@mail.ru

